

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 23 (3834)

Суббота, 22 февраля 1958 г.

Цена 40 коп.

ЗАВТРА — 40-ЛЕТИЕ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Солдат Страны Советов

Фотохудож. А. Морозова

Аджо ДЖАЛИЛ

СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ

Я — солдат, Страны Советской войны, Мне дано хранить покой страны, Я богат; ни от кого не скрою, Что моя богатствам нет цены.

У меня есть реки, где плытны Воздвигает труженник-народ, У меня есть степи Украины, Кавказстан, где тучный хлеб растет.

У меня есть хлопок Туркестана, И грузинский сочный виноград, Родины моря и океаны Мне по праву все принадлежит.

У меня ключи от гор Урала И Рустави, Я — хозяин руд, Реки раскаленного металла Из моих могучих доим тект.

Нефти необятные озера, Что глубоко под землей лежат, —

Все мое! И не охватишь взором, Все, что я имею, чем богат.

Мне в наследство с самого рождения Все богатства эти вручены, Охраняю я свои владенья И всегда готов пойти в сраженья За свободный труд родной страны.

Повседневною своей работой Приближаю коммунизма срок, — Это долг священный патриота, Долг солдатский — счастья залог.

Благодарен я за честь такую Навсегда стране моей родной — Партии и Родине служу я Так, чтобы народ гордился мной.

Перевела с курдского Нина АЛИБЕГОВА

Лев ОШАНИН

ПЕСНЯ ОБ АРМЕЙСКИХ КОММУНИСТАХ

В Бресте и в Карпатах каменистых, В Минске, в Сталинграде, под Москвой Подвиги армейских коммунистов Вечно живы в памяти людской.

Партия героев окрыляла, В пламени растла сыновей, Храбрые солдаты, генералы — Каждый воин равен перед ней.

Если враг упорен и неистов, А вокруг огонь горит земля, —

Значит, насмерть станут коммунисты И пойдут, преграды пепела.

Сердце согреть славою старей, К подвигам готова молодая, Помни о бессмертных комиссарах, Помни легендарных рядовых.

Не погаснет солнца свет лучистый, Если верит партия народ, Песню об армейских коммунистах Вместе с нами Родина поет.

ЛИТЕРАТУРА МАССОВОГО ГЕРОИЗМА

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА исполнок веков тесными узлами связана с армией. Нет сомнения, что «Слово о полку Игореве» написано человеком, который с оружием в руках олицетворял Отчизну. Уже в этом гениальном произведении древнерусской литературы выносятся подвиги бессмертных идей воинской доблести и отваги, преданности Родине, воли к победе. Первые русские писатели в лучших своих произведениях всегда были вместе с мужественными русскими воинами, отстаивающими в борьбе с иноземными захватчиками независимость родной страны. Это и пушкинская «Полтава», и лермонтовское «Бородино», и толстовская эпопея «Война и мир», где солдату посвящены самые проникновенные страницы, и многие, многие другие шедевры отечественной литературы. У нас не было и не могло быть писателей типа Реднарда Киплинга, чье творчество служило колониализаторам, воспевающим из солдат насильников и убийц.

С. БОРЗЕНКО, Герой Советского Союза

ский и Д. Бедный в своих многочисленных стихах и поэмах, Д. Фурманов в «Чапаяеве», А. Фадеев в «Разгромах», А. Серафимович в «Железном потоке», М. Шолохов в «Тихом Доне», А. Толстой в «Хожении по мукам», Н. Островский в «Как закалялась сталь» познакомили человечество с величайшим героизмом бойцов Красной Армии, сражавшихся против интервентов и внутренней контрреволюции. С большой идейной и художественной силой отражена здесь преданность народа Советской власти.

Патриотические традиции этих писателей продолжали следующие за ними поколения литераторов. Советские военные литераторы были в бою на озере Хасан, в сражении на реке Халхин-Гол, участвовали в освобождении Западной Украины и Белоруссии, сражались с белофиннами.

НАИБОЛЕЕ ярко проявлялась связь литературы и армии в годы Великой Отечественной войны. Многие писатели в то героическое время надели армейскую шинель, отправлялись на фронт, обратились к военной теме.

Многие советские писатели с мировым именем стали в годы войны командирами и политработниками, корреспондентами центральной, фронтовой и армейской печати. Именно тогда на газетных листах, продолжающих жить и поныне, появились потрясающие по своей силе и глубине произведения — подлинный голос души народа: «Наука ненависти» Михаила Шолохова, «Русский характер» Александра Толстого, «Морская душа» Леонида Соболева, «Размышления у

других произведений о войне — произведений интересных и самолюбивых, но как-то не получивших должной оценки в нашей литературной критике. Это — повесть Георгия Березко «Красная ракета», повесть Ивана Шутова «Апрель», рассказы Ивана Трусова, поэма Бориса Котларова «Повесть о Гуре и другие его комедии», книга Игоря Чернышева «На морском охотнике», «Повесть о военных годах» Ирины Левченко.

Что греха таить, в недавнем прошлом в ряде «толстых» журналов стали появляться произведения, в неверном свете изображающие героический образ воина-освободителя. Необъятный поток война-героя в них явно противоречил высокому принципу правдивости, партийности нашей литературы. Произошло это, несомненно, потому, что в последнее время — об этом надо сказать прямо — как-то заметно ослабла живая связь писателей с армией... А ведь армия все время совершенствуется, ведь за сорок лет своего существования она прошла сложный путь — от легендарной танки, вооруженной станковым пулеметом и воспетой поэтами, до атомного и термоядерного оружия и межконтинентальной ракеты! Боеготовность наших Вооруженных Сил находится на высоком уровне, продиктованном интересами Советского государства, международной обстановкой и современным развитием военного искусства. Армия уже не та, которую мы знали по романам времен гражданской войны, не та, какой показала ее литература Великой Отечественной войны. Незнаваемо обновилась Военно-Морской Флот, обновилась авиация и бронетанковые войска, оснащенные самой передовой техникой. Но самое главное — в армии появились новые люди.

Когда-то журнал «Знамя» объединял вокруг себя многочисленную группу военных писателей. Лучшие произведения на оборон-

Песни меня учили, Как жить и как смерть встречать.

И верю я: смерть моя тоже будет песней звучать.

В книгах, написанных о Великой Отечественной войне, советские писатели рассказывали всему миру о том, как наш народ во главе с Коммунистической партией с честью выдержал суровую проверку войной, оправдал надежды человечества. Это — книги о массовом героизме, которого еще не знала мировая история. Они талантливо отразили то единство народа и партии, которое составляло неодолимую силу нашего общества. Считаю своим солдатским долгом упомянуть здесь и ряд

ЗВЕЗДЫ

...Нас ожидали битвы впереди. Мы уходили. Мы несли впереди. Лопали иностранные дожди Непрочные фанерные созвездья.

А сколько их пропало без следа! Хоть рой цветов благоухал душисто, Не гасла яркая фанерная звезда Под топором вчерашнего фашиста...

Немного лет промчалось с этих пор. И вот мы запустили звезды в небо, Чтоб не достал ни дождь из ни топор, Ни ветер, завывающий свирло.

Пускай друзья и недруги следят За звездами, что кажутся мечтою, — Они парят Над каждым из солдат, Лежащим под фанерною звездой!

Иван РЯДЧЕНКО

ЗВЕЗДЫ

...Нас ожидали битвы впереди. Мы уходили. Мы несли впереди. Лопали иностранные дожди Непрочные фанерные созвездья.

А сколько их пропало без следа! Хоть рой цветов благоухал душисто, Не гасла яркая фанерная звезда Под топором вчерашнего фашиста...

Немного лет промчалось с этих пор. И вот мы запустили звезды в небо, Чтоб не достал ни дождь из ни топор, Ни ветер, завывающий свирло.

Пускай друзья и недруги следят За звездами, что кажутся мечтою, — Они парят Над каждым из солдат, Лежащим под фанерною звездой!

Армия нового человечества

СОВЕТСКАЯ Армия есть армия нового человечества. Армия народа, сбросившего все цепи угнетения, она с первого дня боролась за свободу и независимость молодой Советской республики, против многочисленных врагов, желавших погубить завоевания Октября.

Ее роль в истории удивительна и закономерна. Она росла и мужала вместе с ростом Советского государства. Ее называют армией-освободительницей народов.

День 23 февраля, когда празднуется ее сорокалетие, — это день замечательных воспоминаний, воскрешающих в памяти людей ее подвиги, ее незабываемые дела. Каждый, кто в Праге вспомнит недавнее прошлое или посмотрит в этот день на танк, стоящий в мирном уголке толпы братского народа, не может не сказать добрых слов от всего сердца про советского воина, без которого судьба прекрасного города была бы совсем иной.

Если в нашей доброй, дружелюбной Болгарии города не превратились в развалины и не погибли тысячи и тысячи мирных труженников, — это потому, что советский человек пришел освободить страну от угнетателей-чужаков и принес ей счастье и мир.

Этот же советский воин в своем неотразимом порыве вырвал окровавленную Варшаву из рук фашизма и встал на охрану исторических границ новой Польши.

Воин Советской Армии с братьями-югославами пришел на берега Дуная и сражался за свободу Болгарии с такой же страстью, с какой он шел на освобождение городов родной советской земли.

В Европе нигде больше нет гаулейтеров и квислингов. Советский воин не жалел ратных трудов, чтобы сбросить эту нечисть с европейской земли. Советская Армия поселила на скамью подсудимых в Нюрнберге ту банду гангстеров, которая хотела распространить на все материк разбойничьи законы.

Советский воин прошел суровый боевой путь и победоносно встретился со своими союзниками с чувством исполненного перед человечеством долга. Он приветствовал своих боевых товарищей — американцев и англичан, воинов свободолюбивых народов, сражавшихся вместе с ним против фашистских агрессоров.

Он прошел длиннейшие дороги войны, и ему навстречу вышли герои Спротивления, бойцы многих стран, — от Атлантического до Тихого океана. Его видели степи Монголии, хребты Хингаяна, берега Японского моря. В далеком Порт-Артуре и в северном норвежском

Николай ТИХОНОВ

Флорде его приветствовали люди, которым он принес свободу.

Когда он вернулся домой, на Родину, этот замечательный воин и человек нового, социалистического мира, его приняла, как богатыря, родная страна, и он объял мать-Родину, усталый и запыленный, но счастливый.

Когда возвращались полки гвардии в Ленинград, они остановили свои машины далеко за городом и пришли пешком на линию бывшего переднего края, где их встречали бесчисленные толпы людей. И встречавшие, и прибывшие с фронтом безмолвно отдавали почтение на могилах тех, кто отдал жизнь за победу. Потом шествие направилось в город.

Конечно, это было удивительное зрелище. Рядом с солдатами шли родные, знакомые, друзья, или женщины, мужчины. Дети сидели на танках, на лафетах, детей солдаты несли на плечах.

Торжественное шествие двинулось через город к площади Зимнего дворца. Цветы были воткнуты в дула винтовок, украшали машины и орудия. Потом после парада и речи армия как бы «растворилась» среди населения. Даже те, кто не имел в Ленинграде родственников и знакомых, нашли новых

друзей, которые не оставили ни одного воина без ласки, без приглашения в семью на праздничный обед.

Вот тут со всей ясностью было видно, что это армия народа, жившая и борющаяся для народа, за победу народа, рожденная народом. И когда кончилась боевая страда, народ приветствовал свою Советскую Армию всенародно, как в единой, дружной семье, где не дедают людей по местам рождения, где все вместе горевали и все вместе празднуют великую победу.

И сыны разных народов нашей Родины в городе на Неве в тот день говорили: мы все ленинградцы, воины Ленинградского фронта, защищавшие город-герой до победы.

И так было по всей советской земле. Так было в ликующей красной Москве.

Когда воины Советской Армии вернулись на родные места и оглянулись, они увидели, какое злое разрушение принесла война родным краям. Более тысячи семисот городов было разрушено, почти тридцать две тысячи заводов, построенных их руками, лежали в безобразных руинах. Свыше шести миллионов разрушенных домов стояли в страшном списке потерь.

Шли годы. Наша страна восстанавливалась все разрушенное и пошла вперед по пути прогресса. Неврожденный сегодня достижения советского народа. И на охране этого гигантского труда, этих великанских планов будущего стоит слава Красной Советской Армии. Если страна преобразилась за послевоенные годы неузнаваемо, то неузнаваемо стала и Советская Армия. Как и прежде, ее не боится ни один народ. Ее боится лишь те, кто хотел бы снова вернуть мир в жестокую бедну и хаос новой мировой войны.

Как и прежде, Советская Армия — армия мира и освобождения. Она исполняет свой долг в те трудные часы, когда посреди Европы провокаторы и наемные заговорщики хотели поставить на грань войны существование независимых государств.

Она стоит, как страж мира, и зорко следит за происками врагов мира и мирного сосуществования народов.

Как и сорок лет назад, Советская Армия — армия нового человечества, но ее мощь выросла так же неизмеримо, как и мощь передовой индустриальной могучей Советской державы.

Она никому не угрожает, ни на кого не собирается нападать. Она действительно страж мира, и все миролюбивые народы это знают!

ОСВОБОДИТЕЛИ

Эти медали с гордостью носят офицеры и солдаты Советской Армии, их бережно хранят тысячи и тысячи советских патриотов, кто в пору войны, одетый в простую солдатскую шинель, нес освобождение народам Европы. «За освобождение Белграда», «За освобождение Праги», «За освобождение Варшавы»... Спросите жителей этих столиц, тех, кто с радостью и слезами счастья на глазах встречал солдата-освободителя. Вы услышите слова большой сердечной любви к людям, что от берегов Волги, из-под стен Севастополя и Ленинграда, через смоленские леса прошли трудные пути войны для того, чтобы мир воцарился под кровом простого трутенина.

О советском солдате, о его душевной щедрости и благородстве рассказывается в этих корреспонденциях из Белграда, Праги и Варшавы.

НАШИ БРАТЯ

ОБРАЩАЯСЬ к ранним школьным годам, я вспоминаю наших бесед с товарищами из ушедших старших классов, в большинстве деревенских ребятишек, и начинал рассказывать все, что слышал и читал о Красной Армии. В этих рассказах было много искреннего воодушевления, юношеского восторга и подлинно детского преувеличения. Когда-то романтическое пламя нашего воображения разгоралось от рассказов о народных героях Марко Кралинче и Милоше Обиличе. В те дни предметом нашего восхищения стала Красная Армия, живая легенда. Эта армия находилась далеко от нас и вместе с тем была очень близка нашему сердцу.

Нас, югославских ребят, может, с трудом понял бы какой-нибудь советский мальчик. Свою родную Красную Армию он видел каждый день, встречался с ее солдатами и командирами. А мы, маленькие югославы, только мечтали об этой могучей далекой армии — этом вечном, блистательном мече правды и справедливости, надежде и опоре всех угнетенных. Красная Армия для нас была сказкой, живой и животворной, непобедимым героем из старинных преданий, осуществившей мечтой поработчиков.

Годами хранили мы в своей душе такое представление о Красной Армии, шепотом, тайно говорили о ней друг с другом — и легче переносили террор и преследования, потому что знали: в мире существует и крепнет великий защитник обездоленных. Когда же в один из дней озверевшая гитлеровская военщина напала на мою родину и вместе с предателями внутри страны начала убивать, громить, жечь, глаза ее наших людей были обращены на Восток, туда, где находилась великая армия великой семьи советских народов. Сейчас это единственный сплотившийся человек, оказавшийся под угрозой, он сплотивший и поведет за собой все миролюбивые силы мира! — так думал и чувствовал каждый честный югослав.

Вскоре мы узнали, что те же самые вооруженные до зубов фашистские дивизии отправились в поход на Советский Союз. Мы были уверены, что там они найдут свою могилу: носители разрушений и смерти шли к неминуемой гибели.

Народ наш поднял восстание. Мы боролись в исключительно тяжелых условиях, но с воодушевлением и постоянным оптимизмом. Мы знали, что идем плечом к плечу с нашим великим и самым верным союзником. Наши герои умирали с именем Красной Армии на устах. В битвах и походах мы мечтали о Красной Армии, ждали дня, когда сможем увидеть ее.

Я хорошо помню и сейчас тот зимний день начала 1944 года, когда вместе с генералом Славко Родичем спешили на Медено Поле, недалеко от Босанского Петроваца, чтобы встретить военную миссию Советского Союза. Мы были очень возбуждены. На нашу землю, на освобожденную партизанами территорию впервые спустился нога советского солдата — нашего друга и брата.

Молча смотрел я в синеводное зимнее небо, ожидая осуществления мечты моего детства — встречи с советскими бойцами. Когда над заснеженным Меденым Полем появились самолеты и планеры и в небе раскрылись первые разноцветные парашюты, мы стали восторженно кричать, смеяться и плакать одновременно.

— Вот они — наши братья! Мы побежали по снегу навстречу и начали обнимать крепко, по-мужски, как старые боевые товарищи. Это была встреча братьев и воинов, борцов за общее и благородное дело всего человечества.

Потом мы сидели в крестьянской избе и вместе ели черный хлеб наших гостеприимных хозяев. И этот хлеб, добытый трудом и потом, также символически объединял нас. Мы боролись за то, чтобы защитить наш трудовой хлеб от иностранных захватчиков и поработителей.

Много времени прошло с того волнующего дня, но я никогда не забуду эту первую встречу с прославленной армией свободы. ...В октябре 1944 года, в дни освобождения Белграда, мы довелись видеть Советскую Армию, теперь уже в боях, — непобедимую, неукротимую, бесстрашную.

Белград — символ свободы, стойкости и борьбы народов Югославии, наша гордость. В те октябрьские дни с его слезами радости на глазах наблюдал, как бойцы Советской Армии и наши бойцы освободили одну за другой улицы моего родного города. Огонь гвардейских минометов, артиллерии и танков нашего союзника и брата разил врага.

На улицах любимого города моей юности, в котором я писал свои первые книги, мне пришлось видеть убитых молодых советских воинов. И я поклялся, что никогда не забуду их. Я не забуду их, ибо они героически пали за свободу, счастье и лучшую жизнь для всех нас. Не забуду те славные дни великого освобождения, когда я видел могучую, непобедимую, бессмертную славою овеянную Советскую Армию.

Поздравляя сегодня Советскую Армию с 40-летием ее существования, мы низко склоняем свои головы перед светлыми жертвами, которые она понесла в борьбе за свободу и счастливую жизнь всех нас, желаем ей новых успехов в благородном деле защиты славных завоеваний Великого Октября.

Бранко ЧОПИЧ, югославский писатель

БЕЛГРАД, 21 февраля. (По телефону).

МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Стоит у Днепра обелиск из гранита, Вознесся над Киевом вьсь. В подножье, где мрамора Красные блики слились С навеки замкнутым огнем негасимым. Здесь спит неизвестный солдат. Как звали его! Александром! Максимо! Чей сын! Чей отец он! Чей брат! Откуда он родом! С Погольем или с Доне! Вблизи от нас рос иль вдали! Упал он в атаке, врагами сраженным, За волю советской земли. Упал, не поднялся в предсмертном бессилье.

Перевел с украинского Павел ЖЕЛЕЗНОВ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

СЛОВА декрета звучат, как клизга: «В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь за защиту завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма». Под декретом подписи председателя СНК В. И. Ленина, Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко, народных комиссаров по военным и морским делам П. Е. Дыбенко и Н. И. Подвойского и других членов Советского правительства. Дата — 15 (28) января 1918 года — возвращает нас к дням рождения Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Документы и фотографии, вобравшие в себя суровую простоту и великий героизм тех дней, рассказывают нам об этом времени. Вот пожелательный номер «Правды» от 1 февраля. Небольшая информация об ассигновании 20 миллионов рублей на первоочередные нужды по организации Красной Армии. Другое газетное сообщение — о создании Всероссийской коллегии по организации и управлению Красной Армии. А спустя пять дней «Правда» публикует первое издание о записи добровольцев в ряды Красной Армии:

«Запись в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию производится ежедневно с 11 ч. утра до 3-х часов дня в доме Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Литвиный пр., д. 20.

Товарищи принимаются по рекомендациям войсковых, общественных, демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных, профессиональных организаций, или по крайней мере двух членов этих организаций. При поступлении целинами частями требуется круговая порука всех и поименное голосование».

Рождалась армия, какой не знала история человечества. Надо было рассказать народу о ней, надо было, чтобы рабочие, крестьяне и солдаты старой армии поняли, что свободу, мир и землю нельзя отстоять без новой армии.

Было решено в крупнейших городах страны провести специальный «День Красной Армии». Петроградский Совет постановил этот день провести в воскресенье 10 февраля. Указывалось двадцать шесть пунктов в различных районах города, где будут организованы митинги, посвященные созданию Красной Армии.

На первой полосе «Правды», вышедшей 10 февраля, мы читаем:

«Сегодня День Красной социалистической армии. Красная социалистическая армия — верное оружие в борьбе за революцию, за социализм. Ее дисциплина — залог революционного сознания. Ее сила — международное братство трудящихся и священная ненависть к капитализму. Да здравствует Красная социалистическая, Рабоче-Крестьянская Армия!»

Юлия ДРУНИНА

С днем рождения, Армия!

С днем рождения, Армия — юность моя!
Мы — солдаты запаса, твои сыновья.
Позабудь ли, как в сорок первом году
Приходила ты мне на пилотку звезду?
Я на верность тебе присягла в строю,
Я на верность тебе присягла в бою.
С каждым днем отступала на запад война,
С каждым днем подступала и вискам следна...
Отступала война, отгрезил бон,
Возвратился домой отдохнувший мой.
Не забуду, как ты в сорок пятом году
От пилотки моей отложила звезду.
Мы — солдаты запаса, твои сыновья...

С днем рождения, Армия — юность моя!

рассветных сумерках оживали рабочие окраины. Настежь распахнулись двери заводских и районных комитетов партии и Советов рабочих и солдатских депутатов. По решению Исполнительного комитета Петроградского Совета, в пятнадцать пунктов города проводились митинги, посвященные одному вопросу: «Защита Социалистического отечества».

К Народному Дому на Петроградской стороне, к манежу Кексгольмского полка в Адмиралтейском районе, к театру 1-го пехотного запасного полка на Охте, к Обуховскому, Путиловскому, Трубочному и Балтийскому заводам, в кинематографу «Урал» и театру «Фурштат», к Технологическому институту и другим пунктам, где намечалось проведение митингов, потянулись людские потоки.

К сборным пунктам шли уже вооруженные отряды красногвардейцев, революционных солдат и матросов. Грохнула по булыжным мостовым, выезжали из ворот казарм артиллерийские батареи частей старой армии, влившись в состав Красной Армии. Заводили моторы своих боевых машин солдаты автобронетанкового дивизиона, вставшие на сторону народа еще в феврале 1917 года.

В Смольном, где всю ночь не гас свет и не спадало людское движение, работал В. И. Ленин. Здесь находился штаб обороны социалистического Отечества.

И вот в один день, день напряженной работы партии, день небывалого подъема народных масс,

На снимках (слева сверху): этот жетон был выпущен к первой годовщине Красной Армии — 23 февраля 1919 года. Православные священники проводили, как всенародная помощь фронту, и день этот был назван «Днем красного подвояка». Вглядитесь в эти плакаты! (Справа сверху): Они возвращают нас к первым дням рождения Вооруженных сил молодой Советской Республики. Языком суровым и мужественным зовут они рабочих и крестьян укрепить мощь Красной Армии.

Михаил СВЕТЛОВ

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Не слишком часто я бывал в бою,
Но в эту знаменательную дату
Я обнимаю Армию свою
И каждого отдельного солдата.

Я не мальчишка. Я в теплушках
И надо мной войны Гражданской
И маршалам — простой майор запаса —
Я издала отозвучаю им.

Мне кажется — я снова меж бойцами,
Никак не подкован, не герой,
Хочу я вновь с военными сердцами
Гражданским сердцем встать в единый строй.

Мне до сих пор походы наши снятся,
Обугленные юности края...
В любви поэта нет субординаций,
Есть Армия великая моя!

Алексей НЕДОГОНОВ

ФРОНТОВОЙ ТОСТ

Боевой мой товарищ, вперед посмотри:
В змийных сумерках — теплая пламя зари.
И метут сорок пятого года снега
по кровавому следу врага.

Мы ответим с тобой наступающий год
не за мирным столом золотой тишины,
а в гремящей атаке, в стремлении вперед,
где-нибудь у переднего края войны.

Где бы нас ни застали с тобою бои —
мы поднимем походные кружки свои
за гвардейскую ратную доблесть полков,
за своих генералов, за славу стрелков,
за того, кто солдат через бурю ведет
по венгерским долинам вперед и вперед.

Мы поднимем походные кружки свои
за друзей боевых, за подруг дорогих,
за суровую долю родимой семьи,
за родных матерей и за жен молодых!

Мы поднимем бокал за советский народ,
за Россию, за всех, кто победу кует,
за бессмертье, что в наших знаменах шумит,
и за смерть, что с гранатой в фашиста летит.

Мы поднимем над самой головой,
над высокой победой тост фронтовой
за бессмертное знамя, что плещет в дыму,
знамя ленинской партии — слава ему!

(1944 г.)

ВПЕРЕД, ДУНАЙЦЫ!

Вперед, стрелки! Дунайцы, на врага!
В бою порыв не терпит перерыва:
пусть пронесется, словно ураган,
могучее дыхание прорыва!

Артиллерист! По цели бей точней,
пусть грянут беспощадным гроном залпы,
что жар твоих победных батарей
заключен в дрожащих Альпах!

Тексты стихотворений переданы «Литературной газете» К. И. Подольным.

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ

Это — советские люди!

...22 июня [1941 года] мы ушли [на фронт] с чувством готовности сделать за нашу Родину все. Мы ей все обязаны.

...Меня волновала мысль: как будет воевать наша молодежь? Сумеют ли наши ребята сделать все, что нужно? Ведь в начале войны германская техника намного превосходила нашу.

Мы выдержали удар! Мы дрались за Ленинград! Сотни тысяч парней встали под ружье. Все они пошли драться, и девушки вместе с ними. Это было великополое.

Страшный, незабываемый ленинградский сентябрь. Город горит. Он весь в кольце. Это боют со всех сторон.

Молодежь спрашивает: «Почему Александр Невский называется Невским? Потому, что он бился на Неве?»

— Да. И вы тоже бьетесь на Неве. Вы тоже — невкины.

Приходилось напоминать всю историю города, а история великополое, богатая. И никогда в жизни мы так ее не постигали, как за эти 30 месяцев ленинградской обороны. Все, что можно было рассказать о нашем городе, было рассказано.

...Было время, когда не давали света, замолало радио, замирала пресса, когда все останавливалось. Но с народом надо было говорить. И тогда Тихонов, Прокофьев, Ольга Берггольц и многие другие шли и даже не шли, а брели (поднашивались от дистрофии ноги), чтобы поддержать в людях дух. Возник вопрос: выдержит ли город?

«Выдержит!» говорили они и приводили в обоснование все, что могло быть извлечено из тысячелетней истории России.

...Мы рассказывали ленинградцам все, что знали. Мы говорили и о том, что немцы бросили на Ленинград 300 с лишним тысяч солдат, в том числе и эсэсовские дивизии. Плменные из этой дивизии нам показали, что войскам было приказано расстрелять и повесить 400.000 ленинградцев.

Мы говорили, что надо во что бы то ни стало держаться: нельзя сдать города Ленин! ...Мы помним Ленина, молодого Ленина, который ходил по городу, который работал здесь, в рабочих кварталах, который сидел в «одиночке»... Ленин, который был в гуще боев 1905 года. Ленина, который вернулся в 1917 году, Ленина у Финляндского вокзала.

Старики, лично знавшие и видевшие Ленина, шли к молодежи и рассказывали ей об этих встречах. Ленинград свой бережет имя Ленина!

Текст дается с сокращениями.

— До 7 утра эти винтовки не переоборудовать? — Нет.

— Тогда команду «на руку» знаете? Ну вот. Берите на руку. В 5 утра, за 2 часа до срока, бригада была на месте. 700 моряков, взяв на руку учебные винтовки, кинулись спасать Белоостров и снасти положение.

Второй эпизод: бригада формируется в таком же темпе. Ребята выстроились перед военноморским училищем, построеным Петром I. Время идет. Говорят, что противник уже подходит к конечным трамвайным остановкам на окраинах Ленинграда. Арсенал и склады еще не подарили оружия. И вот командир и комиссар принимают великополое, редко встречающееся в практике решение: «Налево!»

Бригада поворачивается. «Пошли без оружия! Бегом, марш!» И бригада пошла бегом, без оружия, на врага. Бегут через город, мимо знаменитых Невских ворот: над ними склоняются гвардейские знамена. Бегут мимо Кировского завода. Бегут без оружия, и ни один человек не спросил, где оружие. Вот это была дисциплина! Это был патриотизм! На десятой версте их догнали грузовики, которые стали сбрасывать винтовки и патроны. Люди на ходу подхватывали их.

Добежав до рубежа, пошли в атаку вместе с армией... Из моряков, сражавшихся на суше, больше половины было перебито, но то, что было нужно для Родины, они сделали.

...В Ленинграде мы все стали товарищами. Например: начинается по району шивальный огонь. И вот слышишь телефонный звонок:

— Как дела?
— Ничего.
— Живы?
— Держимся!

Тихонов — мне, я — Инберг, и т. д. Так передавали по цепочке. И когда живешь в этом ощущении человеческого внимания, человеческой дружбы и заботы, начинаешь постигать высокий смысл того, что принесла стране революция. Мы 26 лет говорим слово «товарищ», но мы только теперь поняли его истинный смысл... Мы в Ленинграде поняли, что значит это слово. Мы все — один лет, одной судьбы, той же, что и вы. Поэтому ваше внимание, ваше участие, каждый ваш привет Ленинграду, каждая ваша поддержка приносит нам огромную радость и бодрость.

...За что боролся, дрался Ленинград? За высокие цели, за Россию, за свободу! Мы хотим, чтобы наша страна была на первом месте, чтобы она была впереди Англии и Америки. Мы хотим видеть всю страну богатой и каждой вешью, сделанную в нашей стране, — прекрасной. Мы хотим, чтобы наше производство славило всюду. Мы хотим, чтобы о каждом мужчине, о каждой женщине нашей страны говорили с уважением и завистью: «Это — русские люди, это — советские люди!» Это — наша воля. Это воля мы осуществим, или мы — не русские.

Все, что нам мешает, прочь с дороги! Мы спасем мир, спасем человечество, и пусть слушают наш голос, голос Советской России. За это мы дрались в Ленинграде. Ленинградцы делали это во имя сильного, прекрасного народа, который борется за высшие цели человечества, за прекрасное всечеловеческое общество... Все, что мы могли, мы постарались сделать.

Мы возвращаемся опять на Ленинградский фронт... Даем вам слово, что вы услышите наш голос из Германии.

Бригада Григория Котовского на марше.

Рисунки художников М. Ройтера и С. Снаткина.

ХОДИЛИ МЫ ПОХОДАМИ...

КОГДА ночью на вторые сутки войны три писателя получили одинаковые приказы — явиться в Минск для зачисления на армейскую службу в качестве литераторов газеты «Красноармейская правда», кто-то из нас спросил обижено:

— Почему в Минск, а не сразу на фронт?.. Из дымящегося после бомбежки Смоленска, взывая к милосердию шоферов, мы добрались до обгоревшего пламени Минска, уже покинутого редакцией нашей газеты.

Потом, после нескольких дней скитаний, мы всетаки благополучно очутились под сенью шалашей желанной «Красноармейской правды», расположившейся в Красном бору на окраине Смоленска. Первый вопрос, которым встретили нас, был:

— Материал в номер есть? Положение на колени фанерные дощечки или приоткрытые к пенке, сотрудники газеты писали, правили гранки. Типография газеты находилась в кузове грузовика. С его брезентового потолка свешивалась крохотная лампочка над наборными касками.

С озлобленным, иссохшимся лицом, покрытым горячей фронтовой пылью, опираясь спиной о сосну, Алексей Сурков писал на планшете стихи, полную горячей ненависти к врагу, Михаил Матусовский сочинял балладу о каске и о лопате, которыми во время атаки бойцу следует прикрывать живот и грудь. Константин Симонов, сдав написанную где-то в пути корреспонденцию, со стремительной энергией уже добывал новый материал.

Спустя некоторое время в нашей редакционной сложилась литературная группа. Душой ее стал Сурков. Он писал стихи почти в каждый номер, жестоко раздирая бумагу карандашом. Он писал строфы, которые повторяли потом солдаты, словно голос своего сердца. Вместе с Ц. Солодарем он создал образ Гриши Танкина — всеполюе, отважного, смекалистого бойца, который вызывал улыбку у солдат. А в то время это было равно победе человеческого духа над смертью.

Кроме стихов, А. Сурков писал корреспонденции и передовые, краткость которых была подобна во-

енному приказу. Это он надомнул М. Слободского начать новые похождения

Швейна на страницах «Красноармейской правды» с задачей: ядом сатиры, словно сильнейшей кислотой, содрать шкуру с фашистов, чтобы показать под ней омерзительную их животность. Это тоже стало любимым солдатским чтением.

Как бы ни были трагичны первые дни войны, какой бы болью ни замирала душа после каждого отхода наших частей, с какой бы яствостью мы ни понимали, что у нас меньше, чем у врага, танков, самолетов, «Красноармейская правда» наступала на врага. Сотни тысяч воинов нашего фронта беззаветно дрались с врагом, и мы, находясь в сражающихся подразделениях, бывали свидетелями таких высочайших человеческих подвигов, что не верить в победу было невозможно.

Мы писали о единорестве солдата-героя с десятками танков, писали не только как о величайшем подвиге, но и стремились передать метод уничтожения танков с помощью бутылки с горючим, или пакки гранат, или мины, которую подкапывают на веревке под гусеницы танка. Мы писали о подвиге так, как пишут о деянии новатора, чтобы распространить его метод и приемы труда; мы пропагандировали приемы военной борьбы, наиболее целесообразные для широкого применения.

Газета должна была учить бойцов воевать, считая ошеломляющий подвиг не исключением, а правилом ведения боя. Мы учились писать коротко, предельно ясно и вжовженно.

римоку во всемо, что не было, на наш взгляд, достойным великого мужества советского солдата... Уезжая на фронт, мы не прощались друг с другом, а возвращившись, недолго насждались возможностью писать: торопились снова быть там, где надлежало быть военному корреспонденту.

Когда немцы в октябре прорвали фронт и наша редакция оказалась в подмосковной дачной местности, мы замыслили издать литературную библиотечку «Красноармейской правды». И вскоре зачинники Москвы получили нарядные книжечки библиотечки «Красноармейской правды»: сборники стихов, рассказов, книжки о Грише Танкине и о новых похождениях Швейна. Они были хорошо иллюстрированы О. Верейским.

В тяжелые дни боев под Москвой мы устроили литературный вечер в холодном и заиндевевшем концертном зале имени Чайковского. Председательствовал на вечере П. Ф. Юдин, ныне наш посол в КНР. Зал оказался полным. Когда объявили воздушную тревогу, никто в зале не встал с места, и только мы, фронтовики, тревожно поглядывали на хрупкую остекленную кровлю. Привыкнув к уютным земляным щелям, мы меньше других чувствовали себя здесь спойными.

Мы рассказывали на вечере о героизме наших воинов, передавали все подробности подвигов, совершенных людьми на фронте. А люди в зале, еще не подозревавшие о величайшем контра-

ступлении советских войск под Москвой, слушали нас с тем спокойным воодушевлением, которое порождалось верой в стойкость советского человека, верой в победу.

Советского человека таким, каким он был в дни войны, воспитала наша героическая партия. И в суровые дни нашей Родины дни сотни тысяч людей вступали в партию, чтобы жить или умереть коммунистами. Политработники пробирались ползком в сражающиеся подразделения, прижимая к груди сумку с партийными билетами, которые предстояло вручать воинам, ставшим коммунистами. Вместе с ними ползали подосники боеприпасов, ползали по стуженой земле в подразделениях и литераторы фронтовых, армейских, дивизионных газет, чтобы собрать новый материал о творцах подвигов.

В дни славного сорокалетия Советской Армии все мы, кто писал на фронте, с особой теплотой и болью вспоминаем наших товарищей, не поднявшихся с земли, по которой они ползали, чтобы быть там, где добывалась победа, чтобы рассказать, какой ценой она добывается и из какого человеческого сердца она рождается.

Пусть наше суровое и честное фронтовое варьирование будет столь же взыскательно и к сегодняшнему слову писателя — почетному оружию в борьбе за строительство коммунизма.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Панорамная

РАССКАЗ

Ольес ГОНЧАР

О ГРОМНО здесь небо над человеком! И не оно ли своим вечным простором склоняет нас к размышлениям, и не потому ли какая-то суровая, мудрая задумчивость всю жизнь стоит в глазах степных чабанов? Именно она, эта задумчивость, поразила меня во взгляде Оленчука, когда я, готовясь к работе над книгой о Перенюхе, как-то летом поехал в Строгановку и там впервые встретился с ним.

Было летнее погожее утро. Мы сидели с Оленчуком на берегу Сиваша, вдвигая от того самого места, откуда он в далекой осенней ночи 1920 года тронулся в свой исторический путь, ведя через Сиваш штурмовую колонну коммунаров.

— Вот здесь выстраивалась ночью колонна... Вот туда спускались... А дальше — дальше была темнота, трясина, мрак...

Яркий день слепит глаза. Сухо на Сиваше. Весь его ровный, открытый простор, простирается вдаль, ослепительно белее перед нами: растет соль. Незадолго перед этим согласно ветром воду в Азовское море, быстро перекипела на солнце рала, и теперь сияющее дно сплошь забелело солью — высухшими чаклаками, никогда не высыхающими чаклаками.

Тихо, пустынно, словно на краю света, ни птиц в воздухе, ни кузнечика в траве. Еле-еле виднеется на горизонте полоса Литовского полуострова, да сияет далеко справа на самом Перенюхе высокий обелиск — памятник погибшим героям. Он будто магнитом притягивает, привлекает к себе взгляд. Среди этой безбрежной равнины он виден во все концы, и куда бы ни смотрел, снова и снова возвращаешься к нему своим взором.

Неторопливо, спойно, будто о ком-то постороннем, рассказывает Оленчук о себе, о своей жизни. Уже более трех десятилетий миновало с тех пор, когда он с колонной красных бойцов тронулся отсюда через ночной валамученный Сиваш в осеннюю разрезанную туманом и дождями равнину Крыма. Не заметил, как промелькнули годы. Жил, трудился, в колхозе огородах и виноградниках разводил — вон они раскинулись по-над Сивашем... А в эту войну снова выпала ему счастливая доля послужить великому делу народному: весной 1944 года вновь повел через Сиваш красных бойцов — полки 4-го Украинского фронта — в тыл фашистским войскам...

— И теперь, когда все уже отшумело, скажу вам по совести: те шлы, как шлы, но и эти тоже не хуже. Как сыновья на отцов, были похожи. Слово было одна большая колонна пошла и пошла вперед: то было ее началом, а эти — продолжением, и нет разрыва между ними.

Густо обгоревый на ветру, продубленный солнцем, он сидит, опершись на герлыгу*, и, шурша, смотрит на Сиваш. Что он там видит? Не ту ли штурмовую бесконечную колонну, которая устремилась куда-то вперед и вперед, в мерцающие, залитые солнцем просторы?

— Вот так и мне суждено... Вместе с ними тоже в великую историю вошел. От села к нам направляется через выгон какой-то мужчина.

— Кто это? — спрашиваю Оленчука, указывая на неизвестного.

Оленчук, посмотрев в ту сторону, напустился.

— А это ж он и есть, наш бывший голова... Не в ладу я с ним, хит и племянник он мне.

— Почему же не в ладу? — буркнул Оленчук и отвернулся, не желая, видимо, даже смотреть туда, откуда приближался племянник. — После нас он в районе по разным хвостозам промышлял, а теперь вот и сюда вытравился... Новый должностной жидет. Вместо того, чтобы взять вилы в руки, слоняется вот так чужими днями. Пустозвон.

— Как, как? — Пустозвон!

Неторопливо ступая, подошел племянник — мужчина гвардейского роста, в запыленных сапогах и в той полубоевой форме, которую так любят некоторые деятели районного масштаба. Темный суконный китель, несмотря на жару, застегнут на все пуговицы. Лицо в густой щетине, неприятливое, холодное, с выражением какой-то затененной обиды в глубоко посаженных серых глазах. Хмуро поподозревающий, племянник глянул на нас обоих с подозрением.

— Налаякает? — Налаякает.

Племянник присел сбоку, и губы его вдруг дрогнули в усмешке.

— Небось, дядю Иван на меня все валит? — Зачем мне на тебя валить, — спойно возразил Оленчук. — А что спойстой ты человек — это я тебе говорил и говорю.

Племянник криво улыбаясь, затем, прищурив глаз, кивнул снисходительно, с какой-то пренебрежительной покровительственностью на Оленчука: «Вот он, дескать, у нас какой... Но вы не обращайтесь внимания».

* Герлыга — посох.

Игорь СМЕРНОВ

ГВАРДЕЕЦ

Мальчишки, мы были совсем не сух, Его критикой впервые: — Нас как-то не трогают эти стихи, Уж слишком они любовные.

А он — длинноногий, нескладный чудак, Он только сказал виновато: — Не трогают, значит.

А жалко, что так. Ведь я же от сердца, ребята... Он так и не выбыл в толстый журнал, Гвардеец отважный и ловкий.

Он пулей шальной был убил наповал В атаке под Невакой Дубровкой.

Атака, я помню, была любовной, А он, как всегда, был передним — Рассказывал мне комиссар полковой О дне его самом последнем.

...Теперь бы стих эти чистые взять, Скажет бы, что здорово пишет, Что вершья в них каждому слову, Скажет, Да только ведь он не услышит.

— Почему же, дядя Иван, пустой человек? — достав коробку «Наабена» и постукивая по ней пальцем, спросил племянник. — Не потому ли, что займом вас облагал да гайку иногда прикручивал?

— Да, прикручивал... — А вы как бы хотели? Чтобы все отпустил? Хороши были бы мы, руководители!

Оленчук промолчал, только сухая, в грутых морщинах шея его, казалась, еще сильнее сморщилась и втянулась в плечи.

— Руководил... Вы спросите, как он тут нами руководил, — заговорил Оленчук после паузы. — В тридцатом — он тогда еще соплемком был — с железным шупом вваливался во мне в дом, все закули перекладывал, вынюхивая припрятанный хлеб. И это — у Оленчука! Не так, скажешь?

Племянник пыхнул дымом папиросы. — Было.

— Изю дня в день, на всех собраниях только и трубит бывало: «Завтра утром — красным обзозом — выведем, граждане...» А чего выводить? Горшок с фасолью у родной тетки из-под печки выхватил и вот собираетесь его красным обзозом вести...

Племянник громко, через силу, захохотал.

— Ну, дальше, дальше, дядю Иван! Говорите вы, потом я скажу. Оленчук вдруг круто повернулся к нему:

— Ты? Что ты обо мне можешь сказать? Жизнь моя, вся вот она — на ладони! А что не было у меня уважения к тебе — так его и не будет.

— Я за вашим уважением не горюю...

— Ну, ясно! Ты только уважением тех дорожишь, кто выше тебя сидит, а кто ниже... Что для тебя Оленчук, что для тебя другие, тание, как он?

— О-о, уже и набросился. Ну, чего это вы? Что я вам, дядю, такого лихого сделал?

Оленчук некоторое время словно бы прислушивался к чему-то далекому, собрался с мыслями.

— Ты и сам, парень, не замечал, как часто измывался надо мной, в душу старому плелал. Со всех концов страны Оленчуку шнольники письма шлют, полковники из Генерального штаба к нему приезжают, а ты? Разве не ты в тридцатом третьем году заставил меня крапиву есть, а в тридцатом седьмом едва на тот свет не согнал? Стоит о чем-нибудь спросить на собраниях, ты уж и на заметку. «Но-но, аккуратнее спрашивайте, дядя!»... Аккуратнее. Какую бестолковщину ни видишь — все молчи. А разве Ленин учил нас молчать?

— Это дядя на меня нападет за то, что мы его в свое время от бригадистов отстранили, — холодно улыбаясь, бывший председатель — Забавном и отаре послал. Но ведь не пропала же вы, дядя!

— Отаре не кара, — угромо проворчал Оленчук. — Знаю только: нарочно спровадили в степь, чтобы реже на собраниях бывал.

— Всем чабанам был чабан, — обращаясь уже ко мне, с наигранной усмешкой продолжал племянник. — Вот только текущий момент дядя никак не мог толком уразуметь. Ты ему одно, а он все свое: «Мы с Фрунзе, да мы с Фрунзе...»

— А разве ж не мы? — сурово спросил Оленчук.

— Никто и не говорит, дядя. Вы у нас действительно вроде бы как Суянин степной, но ведь расстояние от вас и до командарма... Не-э, нет у вас понимания дистанции между людьми. С великим полководцем, с пролетарским стратегом на равной ноге себя чувствуете!

Оленчук, видно, хотел чем-то резким ответить на это племяннику, но, глянув на него, вздохнул и покачал головой:

— Эх, ты... Гляжу я на тебя, Минола, и в школе ты учился, и комсомол прошел, а вот где твоя наука настоящая, людская? Громче всех в ладоши хлопать — вот и вся наука.

Племянник, насупившись, поднялся. — Ладони мои вы оставьте в покое, — промолвил обижено и поносился на меня, как бы призывая в свидетели.

Что же насамое труднее всего, то мы их тоже выдали. И сейчас все, что поручается, выполняем и перевыполняем.

Затопав папиросу и не протрившись, он направился в сторону колхозных огородов, где, видно было, работали женщины.

Отдалился, не оглядываясь. Темная, долговязая фигура его четко выделалась на фоне Сиваша.

— Вот так оно и получается, — глядя племяннику вслед, промолвил Оленчук после паузы. — Один как добрый сеятель по жизни пройдет, а другой, как тень промелькнет: никаких знаков-признаков после него.

И взгляд уже снова устремлен в сивашские дали, и мысль его тоже, видимо, витала там.

В тот же день мы поехали с Оленчуком на Перенюх.

Перенюхская равнина раскинулась между морями, как огромный артиллерийский полигон. Пышет зноем земля, бурная, выгоревшая, изрытая норами, начинающая смертоносным железом осколков. Безлюдно, безветренно, мертво. Чадный дух боев еще и до сих пор словно бы стоит тут повсюду — не развеявшийся, не выветрившийся с годами.

Земля вечных побоев... Не раз могучие армии сходились тут на смерть, не раз история ставила на Перенюху свои вехи. Мрачно тянется через весь перенюхский вал, дышащем столетий веет от него. Кто и когда насыпал его среди этой равнины? Чей титанический затворный труд бесплодно залег в нем? Бисский воин в медном шлеме, и раздвинутый турок, и дикий татарин с саблей, стояли в разные времена на этом валу. Затем старый, обреченный мир избрал его себе своей последней бастионадой.

Неподалеку от вала нас встречает давнишний друг Оленчука — пожилой латыш на скрунутом протезе — охрана Перенюхского обелиска. Участник штурма Перенюхи, он, выйдя на пенсию, решил навсегда поселиться и уже много лет живет вот так, на безлюдье, ревниво оберегая обелиск — великую святыню своей жизни.

окопы, зарешенные бурьяном воронки, перегоревшая земля, перемежущая с железом осколков и патронных гильз. Сколькими ни идешь, они валются под ногами, торчат из земли, потемневшие от времени, изъеденные ржавчиной, — не легио уже и различить: чьи они? От какой войны?

Тихина — первобытная, неподвижная тихина. Даже не верится, что когда-то тут захлебывались пулеметы, шли лава за лавой атакующие, звучало грозное: «Дашь Крым!»

Полынь, солончак. Сухой чертополох в красных шапках.

Оленчук, сгорбившись, бредет по бурьянам, оглядывая хмуро, безжизненную степь.

— Ранней весной степь преображается... Дикие тюльпаны красными и белыми цветом цветут. Есть у нас такая примета чабанская: где падали белые — там распускаются белые цветы, а где полегли красные — там зацветают красные.

Я представляю себе эту степь весной, в цветении диких тюльпанов, когда — сколько ни отмахивайся взором — в этом бесконечном просторе торчат и горят латышские солдцы их нежные хрупкие нащечки... Да, только эта степь, выданная степью войн, могла породить эту печальную чабанскую легенду.

— А отсюда — вон с того флага — мы были для них открыты, — говорит латыш, узнавая на застывшие вдали воды черноморского залива. — Оттуда нас непрерывно обстреливали военные корабли Антанты.

Идем все дальше и дальше в степь. Горячий воздух обжигает грудь. Солнце в зените словно бы плавит, истекая на землю ливнем огненных лучей. Среди тишины и зноя вдруг сорвался вихрь — смерти огромной силы — и, подывая до неба пылью, пошел куда-то на Арманск.

— Может курицу подхватить, а то и телна и, как в трубу, потащит вверх, — говорит Оленчук. — Сатанинская сила. Прошел, пролетел вихрь, и снова — тихина. Потрескивают под ногами керем, солонка, барвинков. Перед нами все шире разворачивается земля перешейка, напоенная горячим ароматом степей.

— Всю эту землю, — обращается ко мне латыш, — мы теперь панорамной зоем.

Мне это непонятно. — Почему панорамной? — Латыш посмотрел на Оленчука, как бы спрашивая у друга разрешения разгласить какую-то их общую, сокровенную тайну.

— Такую вот мысль мы с Иваном Иванычем много лет уже вынашиваем... Чуть наподобие Севастопольской тут Перенюхскую панораму создать. На всей этой равнине, откуда они боевые товарищи наши, в полный рост уходили в вечность.

Я чувствую, как нелегко ему произносить эти необычные, непривычные торжественные, будто бы уже к грядущим поколениям обращенные слова, которые, наверно, годами он вынашивал в сердце.

— Это дядя на меня нападет за то, что мы его в свое время от бригадистов отстранили, — холодно улыбаясь, бывший председатель — Забавном и отаре послал. Но ведь не пропала же вы, дядя!

— Отаре не кара, — угромо проворчал Оленчук. — Знаю только: нарочно спровадили в степь, чтобы реже на собраниях бывал.

— Всем чабанам был чабан, — обращаясь уже ко мне, с наигранной усмешкой продолжал племянник. — Вот только текущий момент дядя никак не мог толком уразуметь. Ты ему одно, а он все свое: «Мы с Фрунзе, да мы с Фрунзе...»

— А разве ж не мы? — сурово спросил Оленчук.

— Никто и не говорит, дядя. Вы у нас действительно вроде бы как Суянин степной, но ведь расстояние от вас и до командарма... Не-э, нет у вас понимания дистанции между людьми. С великим полководцем, с пролетарским стратегом на равной ноге себя чувствуете!

Оленчук, видно, хотел чем-то резким ответить на это племяннику, но, глянув на него, вздохнул и покачал головой:

— Эх, ты... Гляжу я на тебя, Минола, и в школе ты учился, и комсомол прошел, а вот где твоя наука настоящая, людская? Громче всех в ладоши хлопать — вот и вся наука.

Племянник, насупившись, поднялся. — Ладони мои вы оставьте в покое, — промолвил обижено и поносился на меня, как бы призывая в свидетели.

Что же насамое труднее всего, то мы их тоже выдали. И сейчас все, что поручается, выполняем и перевыполняем.

Затопав папиросу и не протрившись, он направился в сторону колхозных огородов, где, видно было, работали женщины.

Отдалился, не оглядываясь. Темная, долговязая фигура его четко выделалась на фоне Сиваша.

— Вот так оно и получается, — глядя племяннику вслед, промолвил Оленчук после паузы. — Один как добрый сеятель по жизни пройдет, а другой, как тень промелькнет: никаких знаков-признаков после него.

И взгляд уже снова устремлен в сивашские дали, и мысль его тоже, видимо, витала там.

В тот же день мы поехали с Оленчуком на Перенюх.

Перенюхская равнина раскинулась между морями, как огромный артиллерийский полигон. Пышет зноем земля, бурная, выгоревшая, изрытая норами, начинающая смертоносным железом осколков. Безлюдно, безветренно, мертво. Чадный дух боев еще и до сих пор словно бы стоит тут повсюду — не развеявшийся, не выветрившийся с годами.

Земля вечных побоев... Не раз могучие армии сходились тут на смерть, не раз история ставила на Перенюху свои вехи. Мрачно тянется через весь перенюхский вал, дышащем столетий веет от него. Кто и когда насыпал его среди этой равнины? Чей титанический затворный труд бесплодно залег в нем? Бисский воин в медном шлеме, и раздвинутый турок, и дикий татарин с саблей, стояли в разные времена на этом валу. Затем старый, обреченный мир избрал его себе своей последней бастионадой.

Неподалеку от вала нас встречает давнишний друг Оленчука — пожилой латыш на скрунутом протезе — охрана Перенюхского обелиска. Участник штурма Перенюхи, он, выйдя на пенсию, решил навсегда поселиться и уже много лет живет вот так, на безлюдье, ревниво оберегая обелиск — великую святыню своей жизни.

Идем по тем местам, где кипело сражение, лилась кровь. Едва заметны

— Это ведь та самая дорога, — объясняет латыш саперам. — Тогда, в дни штурма, ближайши лазареты были в Чапльке да в Каховке и вся эта дорога была буквально полита кровью, — кровь стекла с подвоя, на которых везли раненых бойцов. Теперь оттуда где-то ляжет трасса степного канала.

Бойцы рассказывают, что уже сегодня должны прибыть сюда первые разведчики днепро-донецкой новостройки — геодезисты, топографы.

Вон уже, как-то выглянула появилась в степи, кажется, раньше ее не было. Машина промчалась по степной дороге, подывая за собой хвост пылинки на целый километр. Не каховские ли это землероходцы уже приближаются?

Под вечер действительно пришли они — те, что разведывают дорогу в степи для воды днепро-донецкой. Рабочие, молодые инженеры, девушки в комбинезонах. Веселые, напористые, они словно принесли с собой неуемную бодрость, шумливости, энергии современной Каховки. Пока одни разбирали инструменты и устанавливали приборы, другие пересобравшись шутками, уже привычно разбирали палатки, разворачивали свой легкий походный бивуак.

Оленчук и латыш принялись помогать им.

— Мои дети тоже где-то у вас там на острове, — ска за л Оленчук. — У меня уже нет прежней силы, так пуская они возьмутся за дело. Пускай моими руками строят.

Вечером у костра собрались все: и те, которые пришли, и те, с кем они встретились тут. Уставшие за день каховские землероходцы, и латыш-ветеран, и саперы, работающие для мира, — все они с уважением, как к отцу в семье, обращались к Оленчуку, известному во всем этом крае проводнику красных колонн. А он, сгорбившись над герлыгой, подолгу неподвижно смотрел на разложенный огонь, и в мудром взоре его, казалось, светилась мысль: «Не та ли это бесконечная колонна зашла здесь в степи один из своих бесчисленных бивуачных огней?»

Бойцов, очинивших поле от мина, особенно интересовало, где именно пройдет трасса канала. Захватит ли она Перенюх?

— Протянем сюда, протянем и дальше в Крым, — уверял инженер. — Еще только решить через Перенюх пускать или по дамбе через Сиваш. Кто-то глубоко вздохнул в темноте: — Не было бы только войны...

И все молча, словно бы отключившись мыслями на эти слова: только бы не было!

Уснули утомленные дневным переходом топографы, уснули саперы, уснул и латыш-ветеран, положив голову на свою кирзовую, набитую бумагами полую сумку. Лишь Оленчук долго еще сидел, склонившись на герлыгу, и в темноте ночи крикливо фигура его неподвижно, как глыба, темнела под нависшим звездным небосклоном.

Не знал я тогда, что вижу Оленчука в последний раз.

На следующий день я уже был в Каховке, на славной днепро-донецкой новостройке. Все небо — в стрелах кранов, весь берег — в движении машин и механизмов. Отодвинув могучее течение реки в сторону, отгородившись от нее стальным шпунтовым барьером, человек стал на отовоеанном, искони нетронутом днепро-донецком, развернул тут свои великие работы. День и ночь гудят вокруг котлована насосные станции, день и ночь земснаряды гонят по трубам размытую землю...

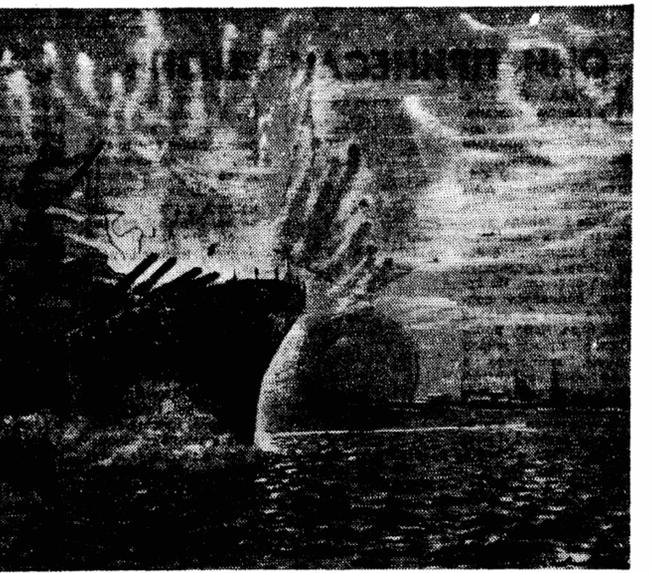
Выше по Днепру, до самого горизонта, также всюду кипела работа: корчевали плавни, расчищали дно будущего Каховского моря. Пришли тысячи карпатских лесорубов в черных горских шляпах и расшитых безрукавках — кептариках, и пронзительно завывали вдоль электротиры, одно за другим падали урочища Темное, Волчанка, Кушугум... Могучие осокори, старые дуплистые вербы, именуемые тут верботатками, непроходимые лозины плавней — все стояло в каком-то оцепенении, ждало своего конца. А когда какая-нибудь громадейшая, в три обхвата, верботатка не поддавалась лесорубам, тогда со ступеньки приходили мощные тракторы и, зацепив вербу стальными тросами, выворачивали ее из земли вместе с корнями и тоннами грунта. Под вечер над всеми плавнями, как над огромным полем боя, сталась дым: ягли хворост, выкорчеванные дрова, дотла сжигали все, что не могло пригодиться на стройке. Навсегда уходило в прошлое плавневое раздолье — Великий Луг запорожских казаков, а вместо этого на берегах Днепра, на горючих его песках возводился новый молодой электроград, создавалось море, от которого пойдут в степь каналы с водой.

Строительство было в разгаре, и среди тысяч тех, крепких, загорелых, которые работали на земснарядях, на экскаваторах, на мощных бульдозерах, мне все виделось сыновья Оленчука, и отовсюду будто слышался его слова: «Пускай моими руками строят».

Была ранняя весна, когда я снова поехал в те края, поехал еще раз познакомиться с Оленчуком. Печальная весть ожидала меня. Хлопчик-пастушата, встреченные в степи, рассказали, что нет уже в живых дед Оленчука! Пошел он под Новый год на Перенюх к своему другу, латыш-комиссару, возвращаясь домой через Сиваш, а ночь была выжкая, бурная, протрудившая Иван Иванович, слет и... уже нет его!

А степь как раз заливалась красой: была пора цветения диких тюльпанов. Ослепительно сияло солнце в весеннем небе, и в лучах его горел далекий обелиск на валу перенюхском, а вся панорамно-открытая земля, вся эта, как называют ее ученые, ковильно-пионовая степь похлыла в неповторимом раздолье первого весеннего цветения. Смотрел я на эту буйно цветущую яркую степь и слышал, как живого, Оленчука, слышал его последнее, исполненное мужественной веры:

— Оживет! Перевел с украинского И. КАРАБУТЕНКО

Заслуженный деятель искусств РСФСР художник Североморский удар

В. Бибиков в этой гравюре запечатлел изумительный, неслыханный подвиг экипажа подводной лодки Северного флота, которой командовал Герой Советского Союза Николай Александрович Лукин.

Это событие, происшедшее 5 июля 1942 года, гордой радостью наполнило сердца советских патриотов и вызвало боевую ярость в фашистском стане. В тот день находившаяся в Баренцевом море советская подводная лодка обнаружилла вражескую эскадру. Краса и гордость гитлеровского флота, его самый крупный корабль-линкор «Адмирал Тирпиц», эскадриреуемый тмлейским крейсером и восемью миноносцами, вышел в море, ожидая крупную добычу — британский конвой, следовавший в те дни к советским берегам.

Пренебрегая смертельной опасностью, отважный командир советского эскадры, твердо убежденный в неизбежном решении — атаковать фашистский линкор. Умелым маневром он скривтно прорвался в самую среднюю строя неприятельской эскадры.

Через 2 минуты 15 секунд после того, как Лукин снамандовал: «Аппараты... Паи!», — над морем гудко прогремели два мощных взрыва: советские торпеды достигли цели.

Доблестно, с честью выполнив поставленное командованием сложнейшее боевое задание, подводная лодка благополучно возвратилась в базу.

Разбойничий замысел врага был сорван. «Адмирал Тирпиц» на несколько месяцев вышел из строя.

Григорий ГЛАЗОВ А Т А К А

ХОДИЛИ МЫ ПОХОДАМИ...

Им приносят цветы

В НОЯБРЕ прошлого года я был в Праге и пришел на площадь Советской Армии к памятнику нашим танкистам.

Над старинными башнями и каштанами низко неслись тучи, и, глядя на памятник, я думал, что тяжелый танк, поднятый на гранитный пьедестал, летит в пламени красных астр, ковром растеленных у подножья; среди них мне бросилась в глаза снежная звездочкой корзинка белых астр с запиской:

Великий Октябрь так велик, что кажется обыкновенным, как право на воздух, солнце и хлеб. И ниже записки — И. Урбанкова. Я прочел записку и вспомнил врытые глубоко в землю точно такие же танки на Волховском фронте.

В сорон третьем году наш полк стоял в обороне под Ленинградом, около деревни, которой не было, — только столбик с дощечкой хранил ее название. Война не оставила от нее и следа, даже черные ятен похорон не было на земле, только торчали поросшие высокой травой и крапивой небольшие плоские холмики, да здесь уцелевшие черные засохшие яблони, по которым можно было догадаться, что здесь действительно стояла деревня.

Я часто проходил мимо столбика и двух яблонь и иногда думал о том, что же будут делать с этим местом уцелевшие жители, какие вернутся после войны домой. Горько и трудно будет начинать им жизнь на голом месте, где даже кирпичи от старых очагов не осталось.

Жили мы недалеко в прочных и, как нам казалось тогда, уютных землянках, но через нас немцы били из артиллерии по железной дороге, построенной после прорыва блокады. По ней шли поезда с хлебом и продуктами в осажденный Ленинград, и было бы странно, как горели вагоны с драгоценным грузом, а сделать ничего было нельзя. Нежеланная дорога на этом участке просматривалась, немцы стояли близко, прочно вцепившись в захваченную землю.

По вечерам в землянке мы мечтали о тех днях, когда будет на нашей улице праздник, когда настанет час расплаты за все, и кто-нибудь в таких случаях говорил: «Ребята, кто из нас дойдет до Германии, отомстите за тех, кто из нас не дойдет».

Мы были тогда злы и думали о мести, но такой уж оказался характер советского человека: он пришел в Европу освободителем, — и чище чистого продымленные знамена его полков.

Далеко в Европу залетели наши орлы от безвестной сожженной деревеньки среди лесов и болот Волхова. Немало наших воинов осталось навсегда после сорок пятого года и в Чехословакии, где бережно хранят их могилы незнакомые люди.

Каждый год в ноябре чехи и словаки по старинному обычаю поминот умерших своих родных

и близких. Вечерами на тихих кладбищах, засыпанных последней осенней листвой, зажигаются и горят свечи, по дорожкам в молчанье идут взрослые и дети, несут цветы и завернутые в целлофан большие и маленькие аккуратные, круглые венки.

Мне довелось встречаться и говорить с пионерами и судостроителями, с колхозниками и учеными, с домохозяйками и поэтессами в районах Праги и в Долнах Нитры и Грона, в Братиславе и Травах. Где бы мы ни были, везде люди, рассказывая о своей жизни, показывая свои поля и заводы, не забывали обратиться наше внимание на места, где вела бои наша армия, а памятники, поставленные в честь наших бойцов, мы замечали сами.

Я как будто взглянул на свою армию глазами трудолюбивого и благообразного чехословацкого народа.

Сергей ОРЛОВ

К боевым друзьям

ПОСЛЕ еженощных бомбежек Москвы, канонады зениток и тревожных завываний сирен в лесу под Старой Руссой находился советский лес. Правда, лес, подожженный немецкой артиллерией, горел, сарафты то и дело рвались, но все же где-то в расположении тылов авиабомбы, но нас здесь было тише, чем в июльской Москве сорок первого года.

Первым, кого я

ОНИ ПРИНЕСЛИ ЖИЗНЬ

БОРБА была в полном разгаре. Регулярными очередями пулеметы отсылали последние минуты фашистской тирании. А на горизонте, там, где гремела канонада, торжественно и величественно проносились небо молнии, предвещающие новые времена. Из тумана поднялся солданы утром 26 апреля 1945 года. Небо, победившее от молоточного тумана, впитывало в себя дымы последних криков, сожженных войн.

дей становилось больше и больше. А пальцы солдата все быстрее перебирали клавиши. И вскоре из облаков пыли, поднятой танковыми, повсюду неслись смех и ликование. Это был первый танец на нашей свободной, наконец, земле. Певца с русыми усами я потерял из виду, больше никогда его уже не встречал. Только однажды, когда советские войска отпраздновали к себе на Родину, почувствовал, что я услышал его голос с далекого, медленно исчезающего на горизонте обоя. Песня замерла где-то в сумерках, и казалась мне она такой близкой и знакомой, будто исходила из родного чешского сердца.

«Брно уже вздохнуло свободно. Грохот орудий перенесся дальше, на север, в долины Чешско-Моравской возвышенности. До конца войны оставалась, быть может, последняя сотня часов. И вот в это время в смертельной опасности склосось сердце нашей родины — Прага. В напорном шуме бывшей немецкой типографии, где тотчас же после освобождения мы издали первый номер коммунистической газеты, собственноручно сделала набор и отпечатала ее вручную на небольшом прессе, стоя на металлическом столике аккумуляторный приемник. Брно все еще оставалось без света, недвижно стояли машины в типографии, и в цехе была тишина».

Мы поочередно дежурили у радиоприемника, прикладывая ухо к репродуктору, улавливая в эфире слабый голос восставшей и озабоченной Праги. На четырех языках обращалась она за помощью во все четыре стороны света, а мы утешались мыслью, что то слабеет не голос ее сопротивления, а энергия наших аккумуляторов.

Жизнь столицы кровоточила тысячами ран. Эсэсовцы казнили патриотов, схваченных на улицах Праги. Они гнали впереди танков женщины и детей, атакуя баррикады, откуда не прекращалась стрельба. Как бы мы ни утешались, было ясно: плохо вооруженные баррикады не смогут сопротивляться долго. Армии западных союзников стояли в нескольких десятках километров от Праги. Их командование делало вид, что не знает ни английского, ни французского языка.

Голос радиостанции Праги все чаще прерывался. В ее радиостудии доносились звуки стрельбы. Пали многие защитники здания радиостанции... 9 мая утром наш дежурный отнял, наконец, голову от репродуктора и прошептал: «Русские в Праге». На его глазах были слезы. Не покая начался, в чем дело, озабоченные, столпились мы у приемника. Из репродуктора доносился шум, подобный ликованием масс, гулу танков. А может, то были дефекты приемника?

Через полчаса мы уже набрали заголовки в новом номере газеты: «Советская Армия спасла Прагу». Быстро отпечатал еще листовки, мы помчались на улицы, неся радость, волнующую весь мир... Яркие воспоминания связаны у нас с минутами, когда советский воин был неумолимым мстителем за бесчеловечные преступления. Мы видели в действии русский штык, тот самый, который все время ощущали на своих спинах фашисты от Сталинграда до Берлина.

Самое главное, что сохранилось в памяти наших людей, — Советская Армия принесла нам жизнь. Когда мы думаем о Советской Армии, встает перед глазами русский воин с широкой улыбкой, распрямленными объятиями, с пахучей веткой сирени у медали «За отвагу». Воин, снятый на фотографии с ребенком соседа на коленях, воин, объясняющий людям, какую жизнь он принес, воин с донской песней «Душка» на устах, пасущий свою лошадь на лугу пражской Стршкови.

Это воин, несущий жизнь. Это воин мира!

Защитаемая шрапнельной завесой и панцирем танков, советская пехота перешла с юга через реку Саратку и врезалась в забаррикадированные улицы Брно. С севера от Меломержицкого цементного завода, поднимающегося, словно рыцарский замок, на высоком холме, буйным гололом мчалась к реке Савитаве галопирующая конница.

Поднятые сабли блеснули, отражая лучи солнца. Как магнит, они притягивали к себе пули двух замаскированных пулеметов, открывших беспорядочный огонь. Люди падали, а лошади без всадников поднимались на дыбы, ржали. Отряд разделился на две группы, и пулеметные гнезда врага уползли. А всадники мчались дальше, где за рекой, укрывшись в подвале, сопротивлялись последние эсэсовские отряды...

Спустился некоторое время узлами мы о подвиге комсомольца Александра Матросова. Но и сейчас, в эти минуты нашего освобождения, не раз видели мы бойцов такой же храбрости. Они бросались на огонь пулеметов, подражавшись к пушкам, не думая о своей жизни, закидывали их гранатами.

Так знакомилась мы с советскими людьми. Их пример открыл для многих из нас путь к коммунистической партии. Эти скромные боецы часто говорили нам о силе идей больше, чем все прочитанное в книгах. Мы все более убеждались в непобедимости Советской Армии, начиная понимать, в чем главный источник ее богатейшей силы.

Правда, многое еще оставалось неясным, пока наша новая, свободная жизнь не принесла свои плоды... Затишье сражения. И уже вливался в улицы жизни, еще час назад заганная глубоко в подвале, под каменными мостовыми, Людям, вышедшим из развалин домов, из сырости черноты укрытий, казалась, что сразу зазеленели газоны, расцвели сирени. Слово повела благодатный весенний ветер, взбурдажив пританцовую жизнь.

Мы от всего сердца обнимали советских воинов, принимали к груди их шинели, покрытые пылью многих фронтов. Мы смешились и плакали и слезы на обрешках бородами лиц, и казалось, в грубой золотой раме смотрела на нас широкая искривленная улыбка русской земли.

Особой любовью угощали всем, что удалось спасти от гибели, но главным образом угощали они нами, угощали детей, которых ласкали всюду, где только встречали на своем пути.

Мне пришлось наблюдать такую сцену. На углу улицы, на низкой каменной оградке Лужанского парка, сидел немолодой солдат со светлыми усами. У его заплечных сапог стоял бидон с яйцами. Серьезно и сосредоточенно делал свое дело солдат. Он нагибался, брал яйцо, разбивал его, а затем, слегка запрогнув голову, выпивал содержимое. Казалось, он даже не обращает внимания на старушку, которая сидела у этой же банки и восторженно, с материнской радостью смотрела на него, уговаривая съесть его, еще.

Увидев, что их охватила столь же восторженная, радостная толпа, солдат поблагодарил за угощение, аккуратно вытер руки и усы платком, передал иду из-за спины гармошку и сказал: «Ну, как, споем!» И запел.

Какой это был изумительный голос! Когда ясные звуки поднялись к небу, казалось, они успокоили и птиц, еще недавно напуганных стрельбой. Они весело слетались к ветвям расцвешенных деревьев. Лю-

дей становилось больше и больше. А пальцы солдата все быстрее перебирали клавиши. И вскоре из облаков пыли, поднятой танковыми, повсюду неслись смех и ликование. Это был первый танец на нашей свободной, наконец, земле. Певца с русыми усами я потерял из виду, больше никогда его уже не встречал. Только однажды, когда советские войска отпраздновали к себе на Родину, почувствовал, что я услышал его голос с далекого, медленно исчезающего на горизонте обоя. Песня замерла где-то в сумерках, и казалась мне она такой близкой и знакомой, будто исходила из родного чешского сердца.

«Брно уже вздохнуло свободно. Грохот орудий перенесся дальше, на север, в долины Чешско-Моравской возвышенности. До конца войны оставалась, быть может, последняя сотня часов. И вот в это время в смертельной опасности склосось сердце нашей родины — Прага. В напорном шуме бывшей немецкой типографии, где тотчас же после освобождения мы издали первый номер коммунистической газеты, собственноручно сделала набор и отпечатала ее вручную на небольшом прессе, стоя на металлическом столике аккумуляторный приемник. Брно все еще оставалось без света, недвижно стояли машины в типографии, и в цехе была тишина».

Мы поочередно дежурили у радиоприемника, прикладывая ухо к репродуктору, улавливая в эфире слабый голос восставшей и озабоченной Праги. На четырех языках обращалась она за помощью во все четыре стороны света, а мы утешались мыслью, что то слабеет не голос ее сопротивления, а энергия наших аккумуляторов.

Жизнь столицы кровоточила тысячами ран. Эсэсовцы казнили патриотов, схваченных на улицах Праги. Они гнали впереди танков женщины и детей, атакуя баррикады, откуда не прекращалась стрельба. Как бы мы ни утешались, было ясно: плохо вооруженные баррикады не смогут сопротивляться долго. Армии западных союзников стояли в нескольких десятках километров от Праги. Их командование делало вид, что не знает ни английского, ни французского языка.

Голос радиостанции Праги все чаще прерывался. В ее радиостудии доносились звуки стрельбы. Пали многие защитники здания радиостанции... 9 мая утром наш дежурный отнял, наконец, голову от репродуктора и прошептал: «Русские в Праге». На его глазах были слезы. Не покая начался, в чем дело, озабоченные, столпились мы у приемника. Из репродуктора доносился шум, подобный ликованием масс, гулу танков. А может, то были дефекты приемника?

Через полчаса мы уже набрали заголовки в новом номере газеты: «Советская Армия спасла Прагу». Быстро отпечатал еще листовки, мы помчались на улицы, неся радость, волнующую весь мир... Яркие воспоминания связаны у нас с минутами, когда советский воин был неумолимым мстителем за бесчеловечные преступления. Мы видели в действии русский штык, тот самый, который все время ощущали на своих спинах фашисты от Сталинграда до Берлина.

Самое главное, что сохранилось в памяти наших людей, — Советская Армия принесла нам жизнь. Когда мы думаем о Советской Армии, встает перед глазами русский воин с широкой улыбкой, распрямленными объятиями, с пахучей веткой сирени у медали «За отвагу». Воин, снятый на фотографии с ребенком соседа на коленях, воин, объясняющий людям, какую жизнь он принес, воин с донской песней «Душка» на устах, пасущий свою лошадь на лугу пражской Стршкови.

Это воин, несущий жизнь. Это воин мира!

С О В Е Т С К И Й

солдат освободил Варшаву, освободил нашу славную столицу. Событий тех дней я не забуду никогда. И сегодня, в день славной годовщины Советской Армии, мне хочется рассказать о своей первой встрече с советским солдатом.

«Грохот новых разрывов, словно сильнейший удар в спину, толкнул нас, заставил убраться в бег. Лишь бы добраться до проволочных заграждений, опасающихся пелеры, перебраться через небольшую безразную рощу за проволочкой и как можно скорее скатиться в овраг. Нам казалось, что там, за проволочкой, будет уже безопасно... Никто из нас троих никогда не видел этого оврага, но мы знали, что он должен быть там — за баррикадами. Под шум их гибких, качающихся на ветру ветвей тик-тикнуло, капающее в лужицу, сплело клубящееся пленики. Те офицеры, которые были участниками последних процессов, не раз видели издали этот лесной овраг.

Лесной овраг мороз стеснял мое дыхание. Полотняный мешочек с убогим шарком, переброшенный через плечо, бил по боку: он казался таким тяжелым, будто кто-то наложил в него кирпичи. В груди я чувствовал болезненное, повторяющееся колото. Думал, что вот-вот упаду. Но в ушах оставался гул разрывов тяжелых артиллерийских снарядов и непрерывный перестук пулеметов, ожесточенная стрельба. И я понимал, что необходимо уйти как можно дальше отсюда, лишь бы как можно дальше... Леон, который опередил меня на несколько метров, маячил перед моими глазами. Мне все казалось, что он бросит ме-

В С Т Р Е Ч А

ня, что я останусь один, один-одинешенек у проволочных заграждений лагеря, под обстрелом гитлеровской артиллерии. В эту сторону никто не бежал. Я слышал за собой только громкое сопяние Эдварда. Несмотря на мороз, обильный пот выступил у него на лбу и щеках. Снова вблизи громыхнул разрыв снаряда, взметнувшись вверх фонтан смерзающейся земли. — Быстрее, быстрее! — издали, звал Леон. Голос его был едва слышен. Я помчался к нему, уже не оглядываясь ни на что и ни на кого.

Мы бросились под заграждения. Отверстие было большое. Несмотря на это, я зацепил мешочек за торчащие колючки проволочки. Тяжело дышал, упираясь руками в землю. Пальцы мои дрожали от холода. Я не мог вытолкнуть на ту сторону ограждения. Позади нарастала стрельба. Я чувствовал, как цепенеет не пальцы, — цепенеет мозг. Где-то прогремела очередная разрыв, потом еще один... Попытаться подняться. Снова задел проволочку. — Вылезай! — услышал я голос Леона. Он поднял нависшую проволочку и помог мне выгнуться из нее. И только тогда я понял, что все это длилось не более минуты, потому что как раз сейчас подбежал запылавшийся, до конца выдохшийся Эдвард. В эту самую минуту я услышал над собой совершенно незнакомый мне голос. Кто-то говорил по-русски, спокойно: — Ну, вы уже свободны!

Советской Армии. Он говорит, что на Берлин надвигалась лавина «закаленных в боях русских войск». Этот нехитрый прием ввел в заблуждение военную редакцию Издательства иностранной литературы, которая сочла статью Бутлара заслуживающей «особого внимания» советского читателя. Статья Бутлара не заслуживает такой оценки. Вся она от первой до последней строки пронизана желанием автора доказать, что немецко-фашистские генералы могли бы выиграть войну, если бы не Гитлер. Облекая подлинных организаторов нападения на СССР, автор приписывает все планы войны, ее организацию, наступательные и оборонительные операции немецких войск одному только Гитлеру, который «был буквально помещен на планш «Восточной кампании»⁹, неизменно шел «по пути военных и политических ошибок»¹⁰, всегда оставался «слепым к каждому разумному и отвечающему обстановке предложению»¹¹.

Выставляя Гитлера единственным виновником поражений фашистской Германии, его генералы, вельсичи преклонявшиеся ранее перед фюрером, плохо сговорились между собой. Так, во многих произведениях гитлеровских генералов план похода на Москву в 1941 году приписывается Гитлеру, с которым генералы якобы были не согласны. Тингельский же признает, что именно военщина принимала самое активное участие в разработке и осуществлении этого похода, что в дни битвы за Москву «командир группой армий «Центр» решительно высказался за продолжение наступления на Москву: он надеялся сломить последнее сопротивление русских. Главное командование сухопутных сил также не хотело отказываться от последней попытки достичь операцию до успешного конца»¹².

Другой характерный прием, с помощью которого фальсификаторы истории пытаются умалить и принизить всемирно-историческое значение великих побед Советской Армии, заключается в том, что они выдвигают на первое место операции, осуществленные английскими и американскими войсками. При этом не упускаются из виду и чисто рекламные цели — самовосхваление. Выступая 14 января 1952 года на обеде в Оттаве, Уинстон Черчилль заявил: «Вторая мировая война представляла собой почти непрерывный ряд неудач и поражений до битвы у Эль-Аламейны и высалки войск генерала Эйзенхауэра в Северной Африке... Эти два события изменили весь ход войны»¹³. Черчилль не смущает обстоятельство, что названные им «битвы» велись с небольшими силами противника, протекали в пустыне, вдали от важнейших театров военных действий, не имели и не могли иметь серьезного значения для хода второй мировой войны.

Отдавая предпочтение саморекламе и американским генералам, они подробно рассказывают о наступлении немцев в Арденнах (конец 1944 — начало 1945 гг.), но умалчивают о советском наступлении и его роли в извращении войск США и Англии от катастрофы. Рекорд фальсификации побил американский генерал Бредли, который без зазрения совести утверждает, что поражение немцев в Арденнах оказало положительное «стратегическое влияние на новое русское наступление»¹⁴, хотя в действительности дело обстояло совершенно иначе.

Вспомогательным средством фальсификации истории являются ссылки на «непрямые действия». И.Л. 1957, стр. 269. Там же, аннотация. Там же, стр. 148. Там же, стр. 273. Там же, стр. 240. Тингельский. «История второй мировой войны». ИЛ. 1956, стр. 200. The New York Times. January 15, 1952. О. Бредли. «Записки солдата», ИЛ. 1957, стр. 531.

«Итоги второй мировой войны». Сборник статей. ИЛ. 1957, стр. 125. Фридрих Руге. «Война на море 1938—1945». Воениздат. 1957, стр. 206. Б. Х. Лиддел Гарт. «Стратегия непрямых действий». ИЛ. 1957, стр. 346—347.

«Итоги второй мировой войны». Стр. 129. Б. Х. Лиддел Гарт. «Стратегия непрямых действий». Стр. 351—352.

1 Н. Гудериан. «Erinnerungen eines Soldaten». Heidelberg, 1951, S. 247. 2 «Итоги второй мировой войны». Сборник статей. ИЛ. 1957, стр. 125. 3 Фридрих Руге. «Война на море 1938—1945». Воениздат. 1957, стр. 206. 4 Б. Х. Лиддел Гарт. «Стратегия непрямых действий». ИЛ. 1957, стр. 346—347. 5 «Итоги второй мировой войны». Стр. 129. 6 Б. Х. Лиддел Гарт. «Стратегия непрямых действий». Стр. 351—352.

ему, но из этого вышло только какое-то невнятное бормотанье... А он издали обернулся еще раз и весело крикнул в нашу сторону: — Вперед! На Берлин!

И победил, толоча по замерзшим комьям земли, в ту сторону, где всего несколько минут назад разрывались снаряды. Мы спустились в овраг и медленно, минуя тнувшиеся по дороге обоя, пошли вперед. Вскоре войска-освободители принесли жизнь и нашей столице — Варшаве. Станислав Р. ДОВРОВОЛЬСКИЙ, польский писатель ВАРШАВА, 21 февраля. (По телефону)

ПРОТИВ МЕНЯ

стоял в ушах с автоматом в руках советский солдат. Этим автоматом, а также носком кирзового сапога он расширил отверстие в заграждении. Снова откудова протархал пулемет. — Это далеко, — так же спокойно сказал советский солдат. — Теперь уже можете до дома... Всего хорошего.

И лаво нырнул под проволочку. Мы попытались что-то ответить, но из этого вышло только какое-то невнятное бормотанье... А он издали обернулся еще раз и весело крикнул в нашу сторону: — Вперед! На Берлин!

И победил, толоча по замерзшим комьям земли, в ту сторону, где всего несколько минут назад разрывались снаряды. Мы спустились в овраг и медленно, минуя тнувшиеся по дороге обоя, пошли вперед. Вскоре войска-освободители принесли жизнь и нашей столице — Варшаве. Станислав Р. ДОВРОВОЛЬСКИЙ, польский писатель ВАРШАВА, 21 февраля. (По телефону)

ФАЛЬСИФИКАТОРЫ В ГЕНЕРАЛЬСКИХ ПОГОНАХ

ТРУДНО найти человека на земле, который не знал бы о великих победах воинов первого в мире социалистического государства. Своими героическими делами Советская Армия стяжала бессмертную славу, любовь и благодарность многих сотен миллионов людей.

В трудные годы Великой Отечественной войны советские воины выстояли под ударами самой сильной в капиталистическом мире германской военной машины, сражаясь в одиночку в отсутствие второго фронта, защитили Москву, Ленинград и Сталинград; освободили Варшаву, Прагу и Белград, овладели Берлином, загнав в могилу не только Гитлера, но и весь созданный им по воле империалистов фашистский строй. Их подвиг освободил человечество от угрозы порабощения германско-японскими империалистическими захватчиками, спас мировую цивилизацию от коричневой чумы фашизма.

Трудный труд всей земли чтит и бережно хранит в своей памяти победы Советских Вооруженных Сил. Но далеко не все так относится к подвигам советских воинов. Есть и такие круги, которые хотели бы перевернуть эти подвиги, вытравить из сознания народных масс. Поскольку это влиятельные круги, располагающие в капиталистических странах властью и средствами, то к их услугам и соответствующие авторы. Был бы заповедник, подголоски найдутся!

Так появилось на буржуазном Западе немало сочинений, авторы которых пытаются умалить победы Советской Армии. К числу этих авторов принадлежит определенная часть политический деятелей и буржуазных историков, журналистов и генералов. Особенную плодовитость обнаруживают битые гитлеровские генералы, усердно высказывающиеся перед своими новыми хозяевами из числа западногерманских монополистов и заокеанских толстосумов.

Для сокрытия и искажения истины применяются разнообразные приемы. В одних случаях авторы умалчивают о важных фактах, симулируя выпадение памяти, в других случаях проявляют неуместную болтливость и неожиданные осведомленность во второстепенных деталях, уводящих в сторону от главного. Не брезгают фальсификации истории и прямым образом. Полный арсенал всех этих методов представал, например, Гейнцем Гудерианом, обнаружившим особенное пристрастие к сочинительству. Перед второй мировой войной Гудериан порадовал германских империалистов своим сенсационным открытием, что война может быть выиграна танками. Ему удалось провести свои танки по Франции. Одновременно сам он быстро продвигался по иерархической лестнице немецко-фашистской военной службы. 22 июня 1941 года танки Гудериана ворвались в нашу страну, держа курс на Смоленск. Искры поредели, несмотря на неоднократные пополнения, они дошли до дальних подступов к Москве, где и были уничтожены. Здесь Гудериан понес свое первое, но далеко не последнее сокрушительное поражение.

Как же Гудериан десять лет спустя описывал победу Советской Армии под Москвой? Оказывается, что об этой победе, опрокинувшей всю его теорию и практику, лживый генерал совершенно забыл. В своих обмелых воспоминаниях он жалует на морозы и приводит свои допущения вышестоящему командованию о том, что температура упала¹.

В статье, опубликованной в сборнике «Итоги второй мировой войны» и многозначительно озаглавленной «Опыт войны с Россией», Гудериан также не слова не говорит о разгроме немцев под Москвой, осуществленном Совет-

1 Н. Гудериан. «Erinnerungen eines Soldaten». Heidelberg, 1951, S. 247. 2 «Итоги второй мировой войны». Сборник статей. ИЛ. 1957, стр. 125. 3 Фридрих Руге. «Война на море 1938—1945». Воениздат. 1957, стр. 206. 4 Б. Х. Лиддел Гарт. «Стратегия непрямых действий». ИЛ. 1957, стр. 346—347. 5 «Итоги второй мировой войны». Стр. 129. 6 Б. Х. Лиддел Гарт. «Стратегия непрямых действий». Стр. 351—352.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Уильяму Дюбуа — 90 лет

23 ФЕВРАЛЯ исполняется 90 лет со дня рождения известного негритянского общественного деятеля, ученого, писателя Уильяма Дюбуа. Дюбуа родился в США, в Грейт Баррингтон, штат Массачусетс. В 1890 году он получил звание бакалавра в Гарвардском университете, а вскоре — и звание доктора философии. В течение многих лет Дюбуа был профессором истории и этноики в Атлантском университете, а затем заведующим кафедрой социологии.

В 1910 году Дюбуа основал «Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения». Журнал этой ассоциации «Крайсис» он редактировал до 1933 года. Им написаны десятки крупных исторических и социологических исследований, сотни публицистических статей. Во всех своих произведениях Дюбуа неизменно выступает поборником равенства наций. Он гневно клеймит расистские теории о превосходстве «белых», показывает, какой богатый вклад внесли негры в американскую культуру.

Дюбуа хорошо известен как писатель. Им написано несколько романов, посвященных жизни негров в Америке. Один из них — «За серебряным рундом» — переведен на русский язык. Недавно вышел в свет первый том его новой большой трилогии «Черное пламя», которая в художественной форме рассказывает о положении негров в США с 1870-х годов до наших дней.

Дюбуа активно выступает за мир. Вместе с другими руководителями организации сторонников мира в США в 1951 году он был брошен американскими мракобесами в тюрьму как «агент иностранной державы». В статье, опубликованной на днях в газете «Нейшнл гардиан», Дюбуа вновь подтвердил свой оптимизм, веру в человечество и твердое убеждение в победе социализма. «Я верю в социализм», — пишет он. — Я хочу создать такой мир, в котором существуют идеалы коммунизма — каждому по потребностям, от каждого по его способностям. Ради этого я буду работать, пока я живу, а я все еще живу».

Уильяму Дюбуа — 90 лет. Он продолжает бороться за мир и равенство наций.

Уильяму Дюбуа — 90 лет. Он продолжает бороться за мир и равенство наций.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

СВАТОПЛАК ЧЕХ

ЧЕХОСЛОВАККАЯ литература отмечает одну из памятных дат — 50-летие со дня смерти выдающегося чешского писателя Сватоплука Чеха. Юлиус Фучик писал о нем: «Социальная поэзия Сватоплука Чеха исполнена добрых чувств, пост тяжело переносил неправду по отношению к трулящимся, страдал страданиями других и протестовал против несправедливости и бесправия. Он был благородным человеком, который стал на сторону угнетенных и униженных». В этих словах дана оценка всего многогранного творчества Сватоплука Чеха, писателя, около сорока лет плодотворно работавшего в чешской литературе.

Широко известны его поэтические сборники «Утренние песни», «Новые песни». Называя себя «работчим пером», С. Чех предсказывал в своих произведениях неизбежность скорой социальной революции. Он писал:

К земле трепещущей прижмитесь ухом: Тревожный гул плывет со всех сторон.

С. Чехом создан также целый ряд поэм — «Песни раба», «Косари», «Лешетинский кузнец» и другие. Они явились значительным достижением чешской поэзии тех лет. Из его прозаических вещей наибольшей популярностью пользуется сатирическая повесть «Путешествие папа Броучека в пятнадцатое столетие».

Сватоплак Чех бывал в России. В 1874 году он посетил Одессу, Крым, Кавказ, во время путешествия овладел русским языком. Чешский писатель был хорошо знаком с творчеством Пушкина и Лермонтова, которых ценил очень высоко. Итогом поездки по России явился цикл очерков, тема сближения русского и чешского народов становится одной из важных тем творчества С. Чеха.

Отмечая 50-летие со дня смерти Сватоплука Чеха, чехословацкая общественность чувствует память писателя, преданно служившего своим пером трудовому народу.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР В. КОЧЕТОВ.

Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГАЛИН, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРУЛИ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБЧКОВ, В. СОЛОХУН, В. ФРОЛОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР В. КОЧЕТОВ.

Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГАЛИН, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРУЛИ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБЧКОВ, В. СОЛОХУН, В. ФРОЛОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.